

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-660-668
УДК 82.09-1

Научная статья / Research article

Плод райского дерева: проблема познания в творчестве Ю.П. Кузнецова

А.В. Ильиных

*Тверской государственный университет,
Российская Федерация, 170002, Тверь, ул. Желябова, д. 33*
✉ anil.mail@bk.ru

Аннотация. Анализируются гносеологический и аксиологический аспекты поэзии Ю.П. Кузнецова в целом и при реализации в ней библейского интертекста в частности. Цель исследования – изучение особенностей реализации темы познания в творчестве Ю.П. Кузнецова в контексте духовного поиска и религиозного освоения мира. С учетом специфики типа мышления лирического героя определяется набор художественных образов библейского характера, которыми оперирует автор, раскрывая указанную тему. Научная новизна работы заключается в последовательном рассмотрении устойчивых образов и мотивов библейского характера, связанных с проблемами гносеологии. Особое внимание уделено рассмотрению ветхозаветных образов-символов, восходящих к мифу о грехопадении. Проанализированы основные направления развития поэтической мысли автора относительно вопросов состоятельности научного познания и идеи прогресса и связанных с ними проблем взаимодействия рационалистического и интуитивно-религиозного типов мышления. Установлено, что автор отдает предпочтение нерационалистическому методу познания истины, базирующемуся на концепции сотворчества человека и Бога, что приводит к сакрализации творческого процесса и образа художника (в широком смысле этого слова) как медиатора воли Бога. Религиозный символ Кузнецов использует для того, чтобы показать универсальность и необходимость интуитивно-религиозного подхода к познанию, не зависящему от конкретно-исторических условий. Трактовка поэтом библейского образа близка к канону и народной традиции.

Ключевые слова: Ю.П. Кузнецов, русская поэзия, христианство, православие, библейская символика, древо познания, древо жизни, образ поэта, духовность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16 сентября 2022 г.; откорректирована 1 октября 2022 г.; принята к публикации 15 октября 2022 г.

Для цитирования: *Ильиных А.В.* Плод райского дерева: проблема познания в творчестве Ю.П. Кузнецова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 660–668. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-660-668>

The fruit of the Paradise tree: the problem of cognition in the works of Yu.P. Kuznetsov

Anastasia V. Ilinykh

*Tver State University,
33 Zhelyabova St, Tver, 170002, Russian Federation*

✉ anil.mail@bk.ru

Abstract. The analysis of the epistemological and axiological aspects of Yu.P. Kuznetsov's poetry in general and when implementing the biblical intertext in it in particular is presented. The purpose of the work is to study the peculiarities of the realization of the theme of cognition in the works of Yu.P. Kuznetsov in the context of spiritual search and religious exploration of the world. The main goal is to determine, considering the specifics of the type of thinking of the lyrical hero, a set of artistic images of biblical nature, which the author uses while discussing the theme. The scientific novelty of the work lies in the consistent consideration of images and motives of biblical nature related to the problems of gnoseology. Special attention is paid to the consideration of Old Testament images-symbols dating back to the myth of the fall. The main directions of the development of the author's poetic thought regarding the issues of the consistency of scientific knowledge and the idea of progress and related problems of the interaction of rationalistic and intuitive-religious types of thinking are analyzed. It is established that the author prefers a non-rationalistic method of cognition of truth based on the concept of co-creation of man and God, which leads to the sacralization of the creative process and the image of the artist (in the broad sense of the word) as a mediator of the will of God. Kuznetsov uses the religious symbol in order to show the universality and necessity of the intuitively religious approach to cognition that does not depend on specific historical conditions. The poet's interpretation of the biblical image is close to the canon and folk tradition.

Keywords: Yu.P. Kuznetsov, Russian poetry, Christianity, Orthodoxy, biblical symbolism, tree of knowledge, tree of life, image of the poet, spirituality

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 16, 2022; revised October 1, 2022; accepted October 15, 2022.

For citation: Ilinykh, A.V. (2022). The fruit of the Paradise tree: The problem of cognition in the works of Yu.P. Kuznetsov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 660–668. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-660-668>

Введение

Ю.П. Кузнецов – удивительный поэт, особняком стоящий в отечественной литературе. Не понятый до конца при жизни критиками и читателями, не примкнувший ни к одному литературному течению, но избравший свой, особый творческий путь, поэт не боялся обрушиться с критикой на классиков и современников, открыто осуждал претившие ему социальные и литературные явления, строя уникальный поэтический мир на материале народной культуры, мирового художественного наследия и христианского мировосприятия.

Исследованию поэтического наследия автора посвящены многочисленные диссертационные работы, монографии и научные статьи. Отдельное внимание критики и литературоведы уделяют рассмотрению типа религиозного

сознания (Ильинская, 2004, 2013; Третьякова, 2013; Николаева, 2008) и художественного метода поэта (Редькин, 2018; Васильева, 2006), реализации эсхатологических мотивов в его творчестве (Ильинская, 2011; Казначеев, 2013), изучению особенностей влияния на поэта апокрифической и древнерусской литературной традиций (Татаринов, 2008; Николаева, 2007). Однако на данный момент нет целостных исследований особенностей претворения в творчестве поэта такой важной темы, как тема познания, существующей во взаимосвязи с вопросами онтологического и аксиологического характера.

Обсуждение

Рациональное и иррациональное в системе ценностей Ю. Кузнецова

Обращение автора к теме постижения мира неразрывно связано, особенно в более зрелом творчестве, с религиозной мыслью. Поэт видит важнейшим компонентом познания духовность, отношение к Божественному, а также открытость человека миру и людям – в противовес замкнутости и фиксации на самом себе. Чистое знание или бездумный прогресс для поэта становятся ловушкой и ведут лишь к разрушению – себя и всего вокруг. Как отмечает В. А. Редькин, представителям духовного реализма, к которым исследователь относит и Кузнецова, «в гносеологическом аспекте проблема „человек и мир“ видится сложнее и иррациональнее, чем позитивистам. Они ставят не временные, а вечные вопросы о смысле жизни и предназначении человека» (Редькин, 2018, с. 75).

Познание и желание господствовать над миром, согласно поэту, несут печаль и разрушение, потому что человек вмешивается в естественный порядок вещей. В поэме «Змеи на маяке» (1977) неразумное осушение змеиного болота ведет к катастрофе апокалиптического характера. Столкновение в пространстве поэмы «инстинкта и разума» приводит героев к безумию: маяк как символ ясного рассудка поддается нашествию хтонического, инстинктивного начала – змей (присутствует и inferнальный оттенок). Однако трагедия развернувшегося действия проявляется не только в поражении человеческого разума, но и в незначительности произошедшего в масштабе планеты: маяк затмевает змеиная чешуя, волны грозят смыть следы обезумевшего врача, олицетворения рационализма, – природа господствует над человеком и делом его рук – и переживает его.

Развитие науки, поступь прогресса и засилье индустриализма в поэзии Кузнецова неразрывно связаны с мотивом механизации – не только труда, но и самого близкого для человека – родного дома. В стихотворении «Не дом – машина для жилья...» (1988) возникает образ захламленной железом и проеденной ржавчиной Родины, чужеродность происходящего также выражается в засилье «чужих имен», угнетении русской старины. Все эти вещи, как и «ложные святыни» из одноименного стихотворения, поэт относит к плодам дьявольских происков: холодная и расчетливая рациональность, с точки зрения поэта, неотъемлемая черта сатаны, оттого и любые плоды бездуховного рационализма, ведущего к засилью прогресса и познанию ради самого познания, приобретают inferнальный оттенок, обезличивают культуру.

В противовес рационалистическому познанию мира и самого себя поэт выдвигает творчество как разговор с Божественным. Устанавливая связь с

Господом, поэт прозревает истину, «с мира спадает покров», в его душе наступают покой и тишина, мир вокруг становится ясен, и даже «дьявол в аду отдыхает» (Кузнецов, 2013, т. 4, с. 374). Бог и поэт словно отражают друг друга – «два сердца и две тишины», связанные небесным светом. Поэт, приобщаясь к высшей духовности, не только прозревает, но и передает свое знание другим: «Когда он с Богом говорит, // То мир бросает в дрожь; // Он слово истины творит...» (Там же, с. 302). Творчество, обращаясь молитвой, становится сакральным действием, очищающим душу. По замечанию Н.И. Ильинской, «синергичность творческого процесса с Создателем – то новое, что появляется в концепции творчества Ю. Кузнецова и укореняет ее в религиозно-философских основаниях русской поэзии» (Ильинская, 2013, с. 382). Духовно-интуитивному типу познания истины через сотворчество с Богом сопутствуют мотивы безмятежности, покоя, безмолвия и наполненности – прямо противоположные образному ряду, связанному с познанием, основанному на рационалистическом начале и ведущим к безостановочному прогрессу, оставляющему за собой одни «индустриальные пустыни».

Сквозные образы библейского характера

Можно выявить несколько сквозных образов, связанных с мотивом познания в творчестве Кузнецова. Наиболее яркими и часто встречающимися являются древо познания и плод соблазна (яблоко).

Древо познания упоминается в Ветхом Завете (Быт. 2:9; 17). Г.В. Синило называет его «библейской вариацией „мирового древа“»¹. Мотив нарушения запрета в данном случае соответствует древнейшей сюжетной компоненте, связанной с неизбежностью преступления табу и обретением тайного знания. В теолого-экзегетическом эссе иеромонаха Феоноста рассмотрены различные подходы к толкованию образа древа познания добра и зла: Максима Исповедника (древо познания как олицетворение материального мира: вкушение его плодов ведет к временному услаждению и удалению от Бога), Григория Богослова (древо познания – созерцание, к которому человек должен быть готов), Григория Нисского (древо познания – зло, скрытое под личиной добра) и Иоанна Златоуста (назначение древа – испытание человека) (Пушков, 2005, с. 76–84). На богословскую проблему испытания свободной воли человека посредством наказания не вкушать плодов древа познания обращает внимание и протоиерей Г. Фаст, разъясняя семантические особенности названия: «добро» и «зло» в данном случае понимаются как «творение» и «разрушение», а «познание» – как «вкушение», «соединение»; вместе сочетание «познание добра и зла» определяет порочность совмещения этих понятий и путаницу в их разграничении при вкушении запретных плодов (Фаст, 2007, с. 139). При многочисленности трактовок данного образа центральным, как можно заметить, является мотив испытания человека.

Сопутствующий библеизм «запретный плод» также множество раз встречается в стихах Кузнецова, как раннего, так и более зрелого периода, в следующих вариациях: «плоды роковые», «плод соблазна», «яблоко», «яблоко

¹ Синило Г.В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета): учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2008. С. 422.

древней вины», «яблоко познания», «мертвое яблоко». В тексте Священного Писания, в Книге Бытия, не уточнено, какого рода плоды дает дерево, однако на протяжении тысячелетий развития иудео-христианской культуры возникли многочисленные трактовки относительно природы дерева познания и его плодов². Но еще Блаженный Августин характеризует дерево познания как яблоню – то же «общепринято в народе» (Фаст, 2007, с. 143). Очевидным является и влияние мировой мифологии, в частности легенды о саде Гесперид, суде Париса, о молодильных яблоках скандинавского и славянского фольклора, на восприятие европейской традицией рассматриваемого образа. Об использовании яблони в качестве образа дерева познания в русской иконографической и лубочной традиции, различных славянских легендах и апокрифических сказаниях пишет в своей статье Т.А. Агапкина, указывая на крайне любопытную тенденцию устно-письменной славянской культуры воспринимать дерево познания в противовес библейскому источнику как «собственность и даже порождение сатаны» (Агапкина, 2017, с. 294). В поэзии Кузнецова и дерево, и его плод – устойчивые образы, активно входящие в его поэтический инструментарий с семидесятых годов.

Осевым образ яблока является в комической поэме «Похождения Чистякова» (1975), насыщенной пародийными, гротескными элементами, что подробно рассматривает в своей статье С.Ф. Меркушов, отмечая: «Символ яблока у Ю.П. Кузнецова реализуется в своей традиционной мифологической ипостаси... Прочитывается он здесь в связи с азбучными сказаниями о Древе познания... Погоня Чистякова за яблоком – прообраз процесса познания в масштабе универсума» (Меркушов, 2020, с. 54).

В одном из относительно ранних (1971), не опубликованных при жизни поэта стихотворений, посвященном Складовской-Кюри, «яблоко древней вины» становится центральным символом. Возникающий в стихотворении образ «черных рук» соотносится с биографическим фактом – от постоянной работы с опасными веществами руки супругов Кюри «покрылись ранами» (Мельник, 2017, с. 104). Кроме того, в черном цвете выражается оценочная характеристика автора – научные искания сопоставляются со вкушением плода дерева познания, в цветовом образе выражается следующая за тем духовная порча. Известно также, что ученая умерла от лейкемии, вызванной радиационным заражением, – черные руки в данном контексте сигнализируют и о физической болезни. Мотив совмещения творящего (доброе) и разрушительного (злого) начал в древе познания на образном уровне выражается в резком противопоставлении «дней золотых» и «песен счастливых звуков» – «черным рукам» и «крутой печати» (Кузнецов, 2013, т. 3, с. 350). Мария Кюри, подобно библейской Еве, протягивает лирическому герою (а вместе с ним и читателю) яблоко – опасный плод научных трудов, – но герой отказывается его брать.

Мотив обитающего в сердцевине яблока зла встречается и в стихотворении «Яблоко» (1974), лирический герой обнаруживает внутри плода смотрящую на него, не мигая, «маленькую фурию». Образно произведение на

² Так, к примеру, иудейские талмудические толкователи в мидраше Берешит Раба описывают дерево как смоковницу (15:7).

уровне реминисценции сопоставимо с легендой о грехопадении: яблоня – райское дерево, связано с небом «вертикалями огня и аромата», последний плод остается словно по собственной воле, не желая расставаться с героем, который невольно тянется к нему душой и обнаруживает внутри зло, а затем погружается в духовный сон (как и первые люди, изгнанные из рая, отпавшие от Божественного света и оказавшиеся в своего рода тягостном земном сновидении).

В стихотворении «Знак» (1981) лирический герой также предупреждает о пагубности тайного знания через образ светящегося во мраке яблока, что таит в себе знак, «бредущий по свету из мрака во мрак» (Кузнецов, 2013, т. 4, с. 68) – вновь объединение светлого и темного в едином образе. Вкушение плода познания становится причиной другого греха, убийства, через введение мотива наследственной вины – грехопадение Адама и Евы ведет к расцвету греха в душе их сына, Каина.

В «Отрицании» (1998) в сердцевицу «яблока познания» поэт помещает «словечко „но“», противопоставляя последнее Божественному Слову. «Но» в данном случае выражает стремление человечества к сомнениям, бунту, постоянным исканиям и опровержениям. Греховность этих качеств вкупе с любопытством отображается также в сопоставлении его с образом подавшейся искушению Евы: «Как из ребра седьмого // Оно сотворено» (Там же, с. 217). Основные характеристики его вмещают признаки динамичности (неспокойствия) и порчи, словечко «но» – червь в яблоке познания, блуждающая комета, стрела в пяте Ахилла.

Последний из рассмотренных нами в рамках данного исследования текстов – неоконченная поэма «Рай». Вначале лирический герой вместе с другими персонажами, Христом, Адамом, Евой и разбойником, видит не само дерево, но его «ветхую ветку», которую отломил первочеловек и которую принесло ветром. Засохшая ветвь символизирует ушедшую «юность» Адама, его чистоту и невинность и служит предвестием последующего видения лирическим героем древа познания во всей его красоте и величии. Древо, «таинственный ключ мироздания», сияет, переливаясь всеми цветами радуги, на нем одновременно растут и цветы, и плоды, но сказочную светлую картину чернит образ застывшего на обломленной ветви ворона, и история с искушением повторяется. Ворон сравнивается со змеем и не скрывает своей роли искусителя. Лирический герой, будучи простым человеком, хоть и достойным видений рая, не может сопротивляться «адской силе», и спасает его лишь заступничество ангела. Восприятие возникшей в образе животного злой воли в данном контексте соотносится с преобладающей в библейской экзегетике трактовкой образа змея-искусителя как орудия дьявола, а не просто животного³. Изображение поэтом древа соотносится с трактовкой блаженного Августина: это дерево реально произрастает в Эдемском саду (отсюда подробное описание в поэме), оно «не было дурное, но названо деревом добра и зла, потому что в нем... заключалось будущее преступление запове-

³ См., к примеру: *Глаголев А.* Ветхозаветное библейское учение об Ангелах // Азбука веры: православная библиотека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Glagolev/vethozavetnoe-biblejskoe-uchenie-ob-angelah/ (дата обращения: 11.07.2022).

ди» (цит. по: Фаст, 2007, с. 143). Отметим также, что поэт обходит вниманием древо жизни, ставя в фокус именно древо познания. Причиной тому служит роль загадочного древа в истории человечества. Первые люди, изгнанные из рая, были лишены возможности вкушать плоды древа жизни – исцеляющие и дарующие бессмертие, а вместе с тем и пребывать рядом с Богом. Максим Исповедник оттого, рассуждая о разнице между двумя деревьями, называет древо познания «созидающим смерть»⁴. К этой точке зрения близок и Кузнецов: смерть в данном случае не только физическая, но и духовная. Чем дальше отходит человечество от Божественного, согласно Кузнецову, чем сильнее углубляется в «рационалистические дебри», тем быстрее оно приближает свой конец.

Заключение

Представленный анализ, таким образом, демонстрирует, что в основе благого познания мира, согласно поэту, лежит интуитивно-религиозное, а не рациональное начало, и заключается оно в приобщении к христианскому идеалу, реализуемому, в частности, через боговдохновенный творческий процесс. Одним из ключевых образов, служащих для претворения темы познания, является запретный плод, или яблоко, – символ таящегося под внешней красотой и притягательностью зла, а также райское древо, амбивалентное по своей сути, со знанием дарующее и смерть. Образы эти встречаются в поэзии Кузнецова с семидесятых годов и не претерпели изменений в отношении их смысловой наполненности. Библейский сюжет испытания свободной воли человека через запрет для поэта является одним из важнейших, в основе его лежит стремление проиллюстрировать идею о необходимости человека сделать выбор в пользу духовного пути, ведущего обратно к Богу.

Список литературы

- Агапкина Т.А.* Символика деревьев в фольклоре и традиционной культуре славян: яблоко // *Studia Litterarum*. 2017. № 1. С. 284–305.
- Васильева Л.* Парадоксы Юрия Кузнецова // *Наш современник*. 2006. № 2. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=2&id=3> (дата обращения: 28.04.2022).
- Ильинская Н.И.* «Адская волость» в поэме Юрия Кузнецова «Сошествие в ад»: традиция и интертекстуальность // *Русская литература. Исследования: сборник научных трудов*. 2011. Вып. XV. С. 114–125.
- Ильинская Н.И.* Тема «Бог и поэт» в творчестве Юрия Кузнецова // *Вестник Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля. Серия: Филологические науки*. 2013. № 2 (6). С. 253–258.
- Ильинская Н.И.* Юрий Кузнецов: структура религиозного сознания поэта на пороге XXI века // *Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Серия: Филология*. 2004. Вып. 39. № 607. С. 53–57.
- Казначеев С.М.* Эсхатологические мотивы в поэзии Юрия Кузнецова // *Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты*. 2013. № 6. С. 68–72.

⁴ Книга Притчей Соломоновых 3:18: толкование Максима Исповедника // *Азбука веры: православная библиотека*. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Prov.3:18#prp-maksim-ispovednik> (дата обращения: 11.07.2022).

- Кузнецов Ю. Стихотворения и поэмы: в 5 т. М.: Литературная Россия, 2013.
- Мельник Н.А. Жизнь и деятельность Марии Кюри и ее вклад в развитие ядерной медицины // Вестник Кольского научного центра РАН. 2017. № 4. С. 98–112.
- Меркушов С.Ф. «Похождения Чистякова» Ю. Кузнецова – поэма абсурда? // Палимпсест. 2020. № 2. С. 47–61.
- Николаева С.Ю. Творчество как молитва: тема поэта и поэзии в творчестве Ю.П. Кузнецова // Мир романтизма. 2008. № 13 (37). С. 281–290.
- Николаева С.Ю. Христианский провиденциализм в поэзии Юрия Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2007. № 10. С. 58–69.
- Пушков Т.Г. Древо Познания добра и зла: попытка дифференциации теологом (теолого-эксегетическое эссе) // Богословські роздуми: східноєвропейський журнал богослов'я. 2005. Вып. 5. С. 75–90.
- Редькин В.А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
- Татаринов А.В. Власть апокрифа: библейский сюжет и кризисное богословие художественного текста. Краснодар: Мир Кубани, 2008. 711 с.
- Третьякова Е.Ю. Юрий Кузнецов: зрелое новаторство: монография. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2013. 205 с.
- Фаст Г. Этюды по Ветхому Завету. Руководство по изучению Священного Писания. Красноярск: Енисейский благовест, 2007. 352 с.

References

- Agapkina, T.A. (2017). Symbolism of trees in folklore and traditional culture of the Slavs: Apple tree. *Studia Litterarum*, (1), 284–305. (In Russ.)
- Fast, G. (2007). *Studies on the Old Testament. A Guide to the Study of the Holy Scriptures*. Krasnoyarsk: Eniseyskiy Blagovest Publ. (In Russ.)
- Plinskaya, N.I. (2001). “Hell Parish” in Yuri Kuznetsov's poem “Descent into Hell”: Tradition and Intertextuality. *Russian Literature. Studies: Collection of Scientific Papers, XV*, 114–125. (In Russ.)
- Plinskaya, N.I. (2004). Yuri Kuznetsov: The structure of the poet's religious consciousness on the threshold of the XXI century. *The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: Philology*, 39(607), 53–57. (In Russ.)
- Plinskaya, N.I. (2013). The theme “God and the poet” in the works of Yuri Kuznetsov. *Alfred Nobel University Journal of Philology*, (2), 253–258. (In Russ.)
- Kaznacheyev, S.M. (2013). Eschatological motives in the poetry of Yuri Kuznetsov. *Interpretatsiya Teksta: Lingvisticheskiy, Literaturovedcheskiy i Metodicheskiy Aspekty*, (6), 68–72. (In Russ.)
- Kuznetsov, Yu. (2013). *Poems*. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ. (In Russ.)
- Melnik, N.A. (2017). The life and work of Marie Curie and her contribution to the development of nuclear medicine. *Herald of the Kola Science Centre of RAS*, (4), 98–112. (In Russ.)
- Merkushov, S.F. (2020). “The Adventures of Chistyakov” by Yu. Kuznetsov – a poem of the absurd? *Palimpsest*, (2), 47–61. (In Russ.)
- Nikolayeva, S.Yu. (2007). Christian providentialism in the poetry of Yuri Kuznetsov. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, (10), 58–69. (In Russ.)
- Nikolayeva, S.Yu. (2008). Creativity as prayer: The theme of the poet and poetry in the works of Yu. P. Kuznetsov. *Mir Romantizma*, (13), 281–290. (In Russ.)
- Pushkov, T.G. (2005). The Tree of Knowledge of Good and Evil: An attempt to differentiate theologemes (theological-exegetical essay). *Theological Reflections: Eastern European Journal of Theology*, (5), 75–90. (In Russ.)
- Redkin, V.A. (2018). Spiritual Realism as an artistic method of modern literature. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, (1), 71–78. (In Russ.)

- Tatarinov, A.V. (2008). *The power of the apocrypha: The biblical plot and the crisis theology of a literary text*. Krasnodar: Mir Kubani Publ. (In Russ.)
- Tretyakova, E. (2013). *Yuri Kuznetsov: Mature innovation*. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture Publ. (In Russ.)
- Vasilyeva, L. (2006). Paradoxes of Yuri Kuznetsov. *Nash Sovremennik*, (2). (In Russ.) Retrieved June 7, 2022, from <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006>

Сведения об авторе:

Ильиных Анастасия Витальевна, аспирант, кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества, Тверской государственный университет. ORCID: 0000-0002-2826-2315. E-mail: anil.mail@bk.ru

Bio note:

Anastasia V. Ilinykh, postgraduate student, Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University. ORCID: 0000-0002-2826-2315. E-mail: anil.mail@bk.ru